

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «ВАРВАРОВ» О ВИЗАНТИИ И ВИЗАНТИЙЦАХ В VI—X вв.

Названная проблема лежит в русле обширной темы о взаимодействии двух миров в эпоху раннего средневековья — мира позднеантичной и раннехристианской цивилизации, представляемой Восточноримской (Византийской) империей, и мира впервые вышедших на широкую арену истории народов, которые по давней античной, а затем и по научной традиции принято именовать «варварами» и к которым в VI—IX (X) вв. принадлежали и древние славяне. Литература, посвященная этой теме, как известно, поистине безбрежна. Но в подавляющем большинстве случаев вопрос в ней ставится в аспекте экономическом, социальном и военно-политическом. Если же рассматриваются также культурные связи, то главным образом в плане византийского «цивилизующего» воздействия на «варваров». Правда, в последнее время при опоре на данные археологии, лингвистики, этнографии и фольклористики предприняты попытки целостного, обобщающего исследования духовной жизни «варварского» (в частности, славянского) общества, его религии, языческой космогонии, этики, поэзии¹. Было бы, однако, интересно также проникнуть в сферу идейно-политических, общественных воззрений этого общества, выяснить свойственные «варварам» представления об относительно передовых для того времени государствах, их оценки чуждых им институтов, нравов, форм быта.

Именно в ходе контактов с Восточноримской империей вышедшие к концу V—началу VI в. к ее рубежам древние славяне встали на путь формирования устойчивых государственных объединений, а вместе с тем и на путь разработки собственной политической теории, без которой — мы убеждены в этом — становление государственности было невозможно у любого народа и в любом регионе мира.

Поэтому было бы весьма важно определить, какими — хотя бы самыми общими — чертами характеризовалась идейная позиция славян по отношению к Византии, в пределы которой они вторглись в VI в., на землях которой основали свои государства и глубокое всестороннее влияние которой испытывали в течение нескольких столетий. Разумеется, речь может идти при этом прежде всего о позиции высшего социального слоя древних славян, их формирующейся аристократии. Впрочем, в самом обобщенном виде воззрения этой аристократии должны были, по всей вероятности, разделять и более широкие слои воинов-общинников: славянская знать организовывала походы против империи, она должна была воодушевлять их участников, внушать им надежды на победу, обосновывать необходимость стойкой обороны захваченных земель от византийских войск и в связи с этим — неизбежно — создавать и всячески пропагандировать отрицательный, сознательно приниженный образ противостоящего врага. Предпринимая попытку взглянуть на проблему с этой стороны, мы отнюдь не претендуем на ее решение, ограничившись лишь постановкой вопроса.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Трудность рассмотрения вопроса в указанном аспекте состоит прежде всего в том, что о воззрениях славян на византийское общество мы можем судить лишь по словам самих византийцев, восприятие которыми «варварского» мира было не менее превратно и субъективно, чем представления «варваров» об империи.

Иначе говоря, вопрос оказывается в значительной мере методологическим. Поскольку основной фонд источников для его изучения составляют византийские памятники, написанные высококультурными представителями привилегированных кругов империи, впитавших наследие многовековой античной цивилизации, постольку неизбежно встает вопрос о критериях тех оценок, которые применялись византийскими авторами при характеристике «варваров». Свидетельства этих авторов, почти без исключения, пронизаны вполне естественным для них сознанием безусловного превосходства жителей империи над «варварами» — и превосходства прежде всего в сфере культуры.

Поэтому при анализе этих известий необходимо особенно строгое соблюдение по крайней мере двух наиболее общих методологических принципов. Во-первых, следует, видимо, отказаться от оценочных характеристик и определения уровня культуры «варваров» путем сопоставления ее с их же культурой последующих времен или с культурой Византии того же времени. В этом плане византийская христианская цивилизация и языческая культура древних славян (как и других «варваров» эпохи господства строя военной демократии) принципиально несопоставимы, как качественно различные явления: обе культурные системы сложились в исторически разных условиях, но тем не менее каждая из них адекватно обслуживала потребности породившего эту систему общества.

Во-вторых, необходимо тщательное соблюдение условия всесторонней предварительной критики источников. Известия византийских писателей о славянах и других «варварах» отмечены печатью традиционализма, восходящего к позднеантичной историографии и обусловленного, с одной стороны, сохранением восточноримской государственности и континуитетом государственно-политической теории (согласно которой Византия являлась непосредственным продолжением Римской империи), с другой — актуальностью и остротой «славянской» проблемы, стоявшей перед византийским обществом: вопрос о том, «кто—кого» в VI—VIII вв. не только не был снят, но, напротив, достиг крайней остроты.

Названный традиционализм выразился, в частности, в том, что византийские авторы сплошь и рядом дают не конкретно-индивидуальную, а обобщенно-синтетическую характеристику разных этносов, следуя принятому еще в античности делению «варваров» на «диких охотников», «кочевников-скотоводов» и «оседлых земледельцов»². Славян при этом, за редкими исключениями³, относили к третьей категории, но их описание зачастую лишено этнокультурных особенностей.

В позиции писателей-христиан сравнительно с позднеантичными авторами, помимо традиционных противоречий с «варварами», отразилось еще одно, оказавшееся наиболее острым, так как оно было идеологическим, вероисповедным. Вопреки духу христианского учения отзывы византийских деятелей, идеологов и писателей о «варварах»-язычниках пронизаны чувством презрения к ним.

Необходимо также методологически разграничивать свидетельства, специально посвященные славянам, и известия нейтрально-фактологические,

² Müller K. E. Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Wiesbaden, 1972, S. 124.

³ О славянах как о «кочевниках» см.: Τσάρτας Γ. Τὸ νόημα τοῦ «γαρδικώσεως» στὰ τακτικά Δέοντος Στ' τοῦ Σοφοῦ. — BYZANTINA, 1963, 1, σελ. 146—151; Cankova-Petkova G. Gesellschaftsordnung und Kriegskunst der slawischen Stämme der Balkanhalbinsel (6.—8. Jh.) nach den byzantinischen Quellen. — Helikon, 1962, II, N 1—4, S. 266 f. См. также: Гиндин Л. А. Из комментария к свидетельствам Прокопия Кесарийского о славянах. — В кн.: Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 133—135.

лишенные обобщений и четких определений и фиксирующие лишь ход событий, в которых славяне принимали участие.

Специально посвященные славянам сообщения обычно ярко тенденциозны — как сознательно, так и неосознанно. Даже наиболее объективные авторы (такие, как, например, Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский)⁴ невольно исходят из критериев, соответствующих византийским общественно-экономическим реалиям, имперским идейно-политическим и нравственно-культурным стандартам. К ним, например, принадлежали: высокий уровень агротехники и ремесла того времени, развитые формы городской жизни, налаженный, основанный на монетной системе товарообмен, охватывающая все стороны жизни система государственного управления и контроля, базирующееся на официальном письменном праве судопроизводство, воинская стратегия и тактика как отрасль науки, господство христианского миропонимания и отвечающих ему норм морали и быта, организованная церковь, широкое распространение грамоты, богатая литература, утонченное искусство и т. д.

Держава «ромеев», по заявлению Феофилакты Симокатты, не знает себе подобных: у нее и сила, и помощь подвластных ей народов, и подлинное благочестие; никто не может столь упорно сражаться за свободу и отечество, как ромей⁵. Они не боятся, пишет Агафий Миринейский, численного превосходства «варваров», потому что обладают непревзойденным воинским искусством⁶.

Ничем хотя бы отдаленно сходным «варварское» общество, вступившее в контакт с византийским, еще не обладало. Естественно поэтому, что при вольном или невольном соотнесении общественно-культурных форм жизни древних славян с перечисленными выше имперскими институтами византийские авторы характеризовали «варварский» мир по преимуществу негативными определениями. Они «звероподобны» независимо от того, оседлым или кочевым является их быт, весьма невежественны и наивны, не имеют сношений с иными народами, грязны и неопрятны, очень бедны и часто голодают, особенно зимой; крайне жестоки и алчны, готовы на любое преступление ради денег и даров, дружбу свою не дарят, а продают; завязывают войны без причины и завершают их, не заключая договоров, вступив же в соглашение, не держат слова и легко его нарушают; не ведают в большинстве своем воинского строя и дисциплины, не умеют брать крепостей; у них царят анархия и раздоры, они не почитают своих вождей, изменяют им и даже убивают их; отличаются они к тому же неоправданным высокомерием и заносчивостью, склонны к пьянству и т. д.⁷

Особо пристрастны описания, составленные в период тяжелой борьбы империи со славянами, которые в конце VI—VII в. стали ее главными противниками на Балканском полуострове⁸. Даже встречающиеся порой положительные характеристики отдельных сторон общественного строя и морального кодекса «варваров» имели целью не объективное отображение действительности, а обличение (как это имело место уже в сочинениях античных писателей) оппозиционно настроенным автором недостатков самого византийского современного ему общества⁹.

⁴ *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 118 и след., 189, 223.

⁵ Извори за българската история, т. III. Гръцки извори за българската история (далее: ГИБИ). София, 1958, т. II, с. 295—296.

⁶ Там же, с. 193.

⁷ ГИБИ, т. II, с. 149, 155, 163 (Прокопий); 180, 203 (Агафий); 234, 239 (Менандр); 273—275, 280 (Маврикий); 309, 325, 327 (Феофилакт Симокатта); 249, 250, 254, 258 (Феофан); Христоматия по история на България. София, 1978, т. 1, с. 31 (Себеос); Византиски извори за историју народа Југославије. Београд, т. 1, 1955, с. 5 (Псевдо-Кесарий).

⁸ *Кучма В. В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1979, с. 4—15; *Он же.* Античные традиции в развитии политической мысли в ранней Византии (по данным трактатов IV—VII вв.): Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1981, с. 27.

⁹ *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба. . . , с. 119, 229.

В силу всего этого нередко более ценными представляются неприятельские, приводимые из чисто практических (например, военных) соображений известия и случайно оброненные сообщения, рассказывающие вполне достоверно о поведении славян в различных ситуациях (в данной связи уместно сослаться на «Стратегикон» Маврикия).

Детальный анализ византийских известий о славянах с изложенных выше позиций, конечно, невозможен в краткой статье. Позволим себе поэтому подробнее остановиться лишь на одном сюжете, рассмотрение которого, как мы надеемся, способно дать некоторое представление об идейно-политической позиции славян по отношению к Византийской империи.

Как известно, византийцы последовательно, по крайней мере до XIII в., называли себя «римлянами» («ромеями»), а свою империю — «Романней», т. е. «Римской державой», вкладывая в эти понятия глубокий идейный и политический смысл: «Романия» воплощала собой «царство божие» на земле, ее глава — «помазанник божий» — мыслился как неоспоримый суверен всей христианской ойкумены, а его подданные — как избранный народ, которому предопределено свыше управлять другими народами.

Известно, как болезненно византийцы реагировали на малейшие попытки усомниться в их праве именоваться «римлянами». Именно на этой почве неоднократно возникали дипломатические и серьезные политические осложнения в отношениях между константинопольским двором, с одной стороны, и папством, Каролингской (затем Германской) империей — с другой. Нет сомнений в том, что, называя византийского императора «императором греков», империю «греческой», а ее жителей «греками», политические деятели Запада сознательно стремились тем самым подчеркнуть отсутствие прав у «василевса греков» на титул «римского», на римский престиж и римское наследство. Особенно ясно это видно из рассказа кременского епископа Лиутпранда, бывшего послом Оттона I в 968 г. в Константинополе и ведшего там острые споры по этому вопросу с государственными деятелями империи и с самим императором Никифором II Фокой¹⁰.

Конечно, в употреблении указанной этнополитической терминологии не было абсолютного и общего единообразия. Как не столь давно снова показал Г. Царас, понятия «эллин», «грек» и «ромей» находились в сложном взаимодействии, их конкретное содержание менялось с ходом времени в зависимости от конкретных обстоятельств¹¹. Тем не менее крайне важно, что пейоративный, уничижительный оттенок термина «греки» прослеживается в латиноязычной литературе непрерывно почти со II в. до н. э. вплоть до интересующего нас периода (VI—X вв.), хотя одновременно в той же литературе понятия «греки» и «Греция» использовались и в нейтральном смысле — как указание (соответственно) на этническую принадлежность жителей и на место их обитания¹².

Исидор Севильский (конец VI—начало VII в.) считал господствующей отрицательной чертой греков хитрость (*fallatia*)¹³. Для папы Николая I (858—867) советы «греков», подданных «императора греков», неофитам-болгарам в вопросах веры совершенно неавторитетны¹⁴. Папа Иоанн VIII заявлял, что греки впали в ересь и схизму, отмечал их лукавство (*falsitas*)¹⁵. Анастасий Библиотекарь считал греков «жадными и завидующими до славы», исполненными «лукавства или, точнее, ковар-

¹⁰ Die Werke Liutprands von Cremona/Hrsg. v. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915, S. 177—179, 202—203; *Καταγέγρατον Β. Στ. Λιουτπράνδος ὁ ἐπίσκοπος Κρεμόνης* ὡς ἱστορικός καὶ διπλωμάτης. Ἀθήναι, 1978, σελ. 195—241, 253 f., 257—258.

¹¹ Царас Г. Το νόημα... σελ. 138—150.

¹² См., например: Извори за българската история, т. II. Латински извори за българската история (далее: ЛИБИ). София, 1958, т. I, с. 208, 210 (Павел Орозий): 217—218 (Евсевий Иероним); 301 (Эннодий); 304 (Кассиодор); 329 (Иордан); 410 (Павел Диакон); София, 1960, т. II, с. 31 (Эйхард) и т. д.

¹³ ЛИБИ, т. I, с. 384.

¹⁴ ЛИБИ, т. II, с. 64, 71, 100, 101, 119.

¹⁵ Там же, с. 138, 145, 147, 148.

ства» (*astutia, quin potius dolositas*)¹⁶. Особенно выразительный и длинный список гневно-оскорбительных, отрицательных эпитетов по отношению к государственным деятелям империи и к самому Константинополю как олицетворению их политики содержится в сочинении Лиутпранда¹⁷.

Г. Царас подчеркивает, что сами подданные империи использовали гермин «греки», когда хотели указать на этническую и конфессиональную принадлежность византийцев; когда же они имели в виду подданство, государственное устройство, порядки при императорском дворе, то употребляли понятие «римляне»¹⁸. Действительно, и Приск Панийский в V в.¹⁹, и Константин Багрянородный в X в.²⁰ применяли в своих сочинениях термин «греки» в узкоэтническом смысле.

Однако вопреки уверенности Г. Цараса подобное употребление самими греческими авторами понятия «греки» в VI—X вв. — крайне редкое явление. Византийские писатели явно избегали этого, и, несомненно, потому, что им был прекрасно известен тот отрицательный оттенок, который на Западе придавался термину «греки». По словам Прокопия Кесарийского, в устах «ромейских» воинов это слово было синонимом слабых, не способных к ратному труду людей²¹.

Д. Моравчик считает доказанным, что понятие «греки» применительно к византийцам вошло во все европейские языки (в том числе в славянские) через посредничество римлян²² (и, добавили бы мы, романизированных жителей пограничных римских провинций в Европе). Следовательно, представляется естественным, что, усваивая термин «греки» от римлян, «варвары» переняли не только его узкоэтническое значение, но и тот созданный римлянами отрицательный стереотип греков, о котором шла речь выше. Даже последующее тесное и длительное общение славян и других «варваров» с «империей ромеев» не привело здесь к коррективам, угодным византийцам.

В нейтральном смысле (греки — особый народ, христианские жители империи) это понятие употребляется в отмеченных печатью славянского языкового влияния протоболгарских надписях VIII—IX вв.²³, а также в договорах X в. языческой Руси с Константинополем и в русских летописях²⁴.

Однако признаки усвоения славянами и другими «варварами» восходящего к римлянам уничижительного значения термина «греки» вполне различимы в источниках. По свидетельствам Менаандра и Феофилакта Симокатты²⁵, авары обвиняли византийцев в том, что они нечестны в деле соблюдения достигнутых соглашений и мирных договоров (говорят на десяти языках, а «пользуются одним обманом»; с помощью даров губят народы; ведя незаконные войны, обучили и других лживым

¹⁶ Там же, с. 199, 203.

¹⁷ *Die Werke Liutprands...*, S. 177—178.

¹⁸ *Τόδορας Γ. Τό νόημα...*, σελ. 147—148.

¹⁹ *Priscus Panites*, fr. 8. — In: *Fragmenta historicorum Graecorum*, P., 1851, t. IV.

²⁰ *Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Вр., 1949, p. 228.6.

²¹ *Procopii Caesariensis Opera omnia* / Recog. G. Wirth. Lipsiae, 1963, p. 612.19; *Procopii Caesariensis Historia arcana* / Ed. H. Mihăescu. Buc., 1972, p. 186.7. Оба эти места у Прокопия в указанном смысле отмечены В. Бешевлиевым (Първо-български надписи. София, 1979, с. 117).

²² *Moravcsik Gy. Einführung in die Byzantinologie*. Вр., 1976, S. 56. См. также: *Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках.* — В кн.: *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М., 1976, с. 203 и след.

²³ *Бешевлиев В. Първо-български надписи*, с. 93, 115, 127, 201. Случаи употребления в надписях термина «ромей» (там же, с. 164, 171) Бешевлиев убедительно объясняет тем, что он внесен в текст византийской стороной (эти надписи представляют собой тексты договоров).

²⁴ Е. Ч. Скржинская указывает также на «Толковую Палею», где сказано «руми, иже зовутся греци» (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов* / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, с. 211).

²⁵ ГИБИ, т. II. с. 228, 254 (Менаандр); 322 (Феофилакт Симокатта).

союзам)²⁶. Святослав, согласно рассказу Льва Диакона, в своем послании Иоанну Цимисхию заявлял, что русские — «не какие-нибудь ремесленники, живущие трудом рук своих, но люди благородные, с оружием в руках побеждающие врагов», явно отказывая византийцам в признании их отважными воинами²⁷. «Суть бо Греци лстиви и до сего дни», — сказано в русской летописи под 970 г.²⁸

Иначе говоря, отчетливо проступает и здесь усвоение двух главных черт созданного римлянами отрицательного стереотипа: грекам якобы присущи *falsitas* (коварство, неискренность) и малодушие, неспособность к ратному труду (они *ἀναδροί*).

Примечательно, что влияние этого стереотипа оказалось весьма устойчивым и продолжительным: посетивший Константинополь в 1171 г. Вениамин Тудельский писал, что греки нанимают воинов из разных народов, так как у них нет «силы военного сопротивления»²⁹. Даже некоторые византийские писатели, отмечая недостатки «ромейского» общества, говорят о них иногда в полном согласии с рассматриваемой обобщенной характеристикой греков римлянами. Так, сама византийская принцесса Анна Комнин пишет, что Никифор Катакалон сражался столь искусно и мужественно, что, глядя на него, его можно было принять не за ромея, а за уроженца Нормандии³⁰. Мануил I Комнин знал, по словам Никиты Хониата, что его воины-соотечественники являлись «глиняными горшками» по сравнению с западными наемниками — «металлическими котлами»³¹. Этот же автор, указывая с горечью на вероломство имперской дипломатии, восклицает: «Недаром мы прокляты всеми народами!»³².

Несмотря на то что обозначение Византии «Романией», василевса «императором ромеев», а его подданных «ромеями» составляло неотъемлемый атрибут не только официальной политической, но и религиозной доктрины восточнохристианской империи, славяне (болгары, сербы, русские) продолжали употреблять термины «греки», «Греческое царство», «греческий император» («цесарь») и после того, как приняли христианство от самой «Романии». В титуле «римского» отказано византийскому «цесарю» и в житиях Константина (Кирилла) и Мефодия, и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Мы склонны придавать этому обстоятельству особенно большое значение, так как эти памятники созданы ближайшими учениками первоучителей славянства, которые находились в тесном общении с учеными представителями и крупными государственными и политическими деятелями западного (латинского) мира, в том числе с папами Николаем I и Иоанном VIII. Константин и Мефодий (а следовательно, и их ученики) не могли не знать о позиции упомянутых «наместников апостольского престола» в вопросе об официальной титулатуре византийского императора и об остроте этого вопроса в отношениях между Византией и Западом. Вряд ли случайно поэтому последовательное обозначение в этих трех памятниках жителей империи «греками»³³. Пейоративный оттенок термина при этом отсутствует, но официальные византийские титулы «забыты» намеренно.

²⁶ К. Лехнер указывает на раздражающую «варваров» неискренность византийской дипломатии. См.: *Lechner K. Byzanz und die Barbaren.* — Saeculum, 1955, Bd. 6, N 3, S. 299—300.

²⁷ *Leonis Diaconi. Historiae libri decem.* Bonnae, 1828, p. 107.1—3.

²⁸ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 50.

²⁹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 214.

³⁰ *Anne Comnène. Alexiade, t. II. Texté établi et traduit par R. Leib. P., 1967, p. 197.20—23.*

³¹ *Nicetae Choniatae. Historia.* Bonnae, 1835, p. 260.

³² *Ibid.*, p. 847.

³³ Сказание о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981, с. 85, 88, 92, 96—97, 100, 102, 104.

Автор жития Константина трижды употребил понятие «римляне», и каждый раз в новом значении: как жители Рима³⁴, как правители империи, которым все ее подданные дают дань³⁵ и, наконец, как язычники дохристианской Римской империи³⁶. Отмечая противоречие в позиции автора жития, употребившего термин «римляне» в столь разном смысле в двух последних случаях, Б. Н. Флоря усматривает в обозначении правителей империи «римлянами» «пример влияния византийской политической мысли на кирилло-мефодиевский кружок»³⁷. Такое влияние было бы вполне естественным: наставниками участников этого кружка были византийские церковные и политические деятели. Но, по нашему мнению, оно проявилось в житии Константина неожиданно слабо. Правители империи названы «римлянами» лишь в рассказе о полемическом (и софистическом) приеме Константина в споре с мусульманскими мудрецами: автор жития только намекает на официальный титул византийского императора, чтобы найти довод для опровержения претензий измаильтян на получение дани от византийцев под тем предлогом, что ее давал властям сам Христос; претензии неосновательны, так как и Христос, и подданные империи платили и платят дань не измаильтянам, а «римлянам».

Яснее позиция автора — представителя кирилло-мефодиевского кружка — в понимании содержания термина «римский» проявилась ниже, при упоминании о «Римском царстве». Автор жития предпочитает обозначать Восточноримское (Византийское) царство, начиная с правления Константина Великого, как «христианское», а не «Римское». Константин Философ, по его словам, заявил, что «Римское царство» «не владычествует больше, ибо минуло, как и иные (царства)... ибо наше царство не римское, а Христово... Ведь римляне идолам поклонялись, эти же — один из одного, другие из иного народа и племени царствуют во имя Христа»³⁸. Слово «римляне», таким образом, судя по этим высказываниям, признается не только не отражающим существа дела, но и могущим повести к опасным заблуждениям. Если термин «греки» использован в житии, как мы уже отметили, лишь в нейтральном (этническом) смысле, то относительно термина «римское» в данном случае мы вправе констатировать, что автор жития не принадлежал к приверженцам господствовавшей в империи традиции при употреблении официальной титулатуры. И эта позиция, по всей вероятности, отражала взгляды на данную проблему правящих (и вообще образованных) кругов славянских стран того времени (Великой Моравии, Блатненского княжества, Болгарии).

Этому заключению не противоречит тот факт, что Симеон на последнем этапе своих войн с империей принял титул «императора болгар и ромеев»³⁹; эта акция свидетельствовала не о политической уступке Византии, а о претензиях самого болгарского государя на ее трон со всеми официальными атрибутами имперского престижа.

Во всяком случае, нет оснований полагать, что «варвары» (и в том числе славяне) как в догосударственный и дохристианский, так и в государственный и христианский периоды своей истории были безразличны к той смысловой нагрузке, которую несли официальные византийские титулы⁴⁰. В связи со всем сказанным представляются заслуживающими

³⁴ Сказание... с. 91, 92.

³⁵ Там же, с. 76.

³⁶ Там же, с. 81, 82.

³⁷ Там же, с. 113, 120.

³⁸ Там же, с. 81, 82.

³⁹ Извори за българската история, т. VIII. ГИБИ. София, 1961, т. IV, с. 248, 299.

⁴⁰ Нелишне в данной связи отметить, что в отличие от европейских народов арабы, а затем турки, т. е. мусульмане, беспрепятственно употребляли по отношению к империи ее собственные официальные титулы (Рум, румы), поскольку, видимо, были совершенно равнодушны к их идейно-политическому содержанию: суть противоречий мусульманского мира с христианским воплотилась не в этих понятиях, столь много говоривших европейцам.

большого внимания свидетельства некоторых источников о настойчивых притязаниях правителей соседних с империей народов на владение ее землями, городами и даже самим Константинополем⁴¹.

По свидетельству арабского автора X в. Табарри, царь болгар (он называет их «славянами»), осадив столицу империи (Рума), заявил императору (видимо, имеется в виду встреча Симеона с Романом I в сентябре 923 г.): «Эта страна является царством моего отца, и я не уйду, пока один из нас двух не победит один другого»⁴².

Особый интерес вызывает, однако, известное сообщение Льва Дякона, вложившего в уста русского князя речь, обращенную к Иоанну I Цимисхию, в которой Святослав будто бы говорил, что если византийцы не заплатят ему выкупа за взятые города и пленных, «то пусть лучше уйдут из Европы, как им не принадлежащей (ὡς μὴ προσκόουσης αὐτοῖς), и переселятся в Азию»⁴³.

Даже если мы имеем здесь дело с художественным вымыслом, у авторов (кстати говоря, современников событий) были какие-то основания именно в указанном смысле характеризовать позицию вождя «варваров». Вряд ли возможно говорить здесь только об отражении привычных представлений, свойственных той эпохе, о правах победителя, о «законе войны», на который так часто ссылались предводители «варваров». Не примитивизируем ли мы под влиянием византийских источников духовный мир «варваров»? Не принижаем ли степень осведомленности, хотя бы высшего социального слоя «варварского» общества, о крупнейших событиях прошлого?

Позволим себе высказать в связи с этим одно предположение относительно древних русов. Нет сомнений в том, что наиболее ранним этапом отношений Руси с византийцами были ее связи с колониями империи в Северном Причерноморье, в частности в Крыму. Важно, однако, учесть, что именно в эпоху Святослава жители имперской колонии — горожане Херсона (Херсонеса) активизировали свои усилия в целях освобождения от власти Константинополя; город упорно сохранял позднеантичные (полисные) традиции самоуправления⁴⁴. Константин Багрянородный предостерегал о возможном в любой момент новом восстании «херсонитов»⁴⁵. При этом царственный автор ни разу не назвал жителей Херсона «ромеями». Он передает древнюю легенду о Гикии, представляющую собой подлинный памятник херсонского (полисного) патриотизма. Здесь Константин называет херсонитов подданными императора «ромеев», но сами «ромей» для данного времени (I—II вв. н. э.) — не греки, а римляне в точном значении слова⁴⁶. Естественно допустить, что при имевшей место в Херсоне устойчивости полисных традиций и наличии многочисленных памятных надписей от эпохи античности историческая память донесла до херсонитов X в. знание о том, что город был

⁴¹ ГИБИ, т. III, с. 58 (Георгий Писиды), 161 («Чудеса св. Димитрия»); ГИБИ, т. IV, с. 24 (Аноним) и др. По сообщению Михаила Сирийца, пользовавшегося более ранними источниками, аварский хаган, взяв Анхиал вместе с помогавшими ему славянами в 584 г. и облачившись в захваченные им пурпурные императорские одеяния, заявил: «Пусть знает император ромеев, жалеет он того или нет, что империя дана мне» (Христоматия..., т. 1, с. 24). Не исключено, что это всего-навсего исторический анекдот. Однако вполне серьезными были намерения аварского хагана, осаждавшего вместе со славянами Константинополь в 626 г. и мечтавшего обосноваться в нем: согласно Пасхальной хронике, он предложил жителям столицы, оставив свое имущество в городе, уйти из него и тем самым спасти себе жизнь (ГИБИ, т. III, с. 81).

⁴² Христоматия..., т. 1, с. 164.

⁴³ *Leo Diaс.*, р. 105.9—16.

⁴⁴ См. об этом: *Соколова И. В.* Администрация Херсона в IX—XI вв. по данным сфрагистики. — В кн.: *Античная древность и средние века.* Свердловск, 1973, вып. 10, с. 207—211; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975, с. 3—20; *Она же.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983, с. 112—116.

⁴⁵ *Procop. Caes. De adm. imp.*, p. 286.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 259, 260, 264.

основан греками — выходцами не из городов собственно Греции (расположенной в Европе), а из Малой Азии, из Гераклеи Понтийской. Возможно, херсонитам было известно и то, что подавляющее большинство и других греческих городов Северного и Западного Причерноморья было основано колонистами не с Балканского полуострова, а из Малой Азии.

Скорее всего, херсониты не только знали эти факты, но и берегли память о них. Предположение наше и состоит в том, что это свое знание херсониты не удержали в тайне от русских или иных «варваров» Причерноморья, с которыми находились в непосредственном контакте. Русские современники из окружения Святослава вполне могли быть осведомлены о том, что предки греков множества приморских городов в бассейне Черного моря проживали некогда не в Европе, а в Азии; не могло для русских остаться скрытым и то, что херсониты не питали чувства преданности «императору ромеев» и стремились к независимости от Византии.

Итак, мы считаем возможным высказать в порядке дискуссии предположение, что в ходе длительной конфронтации славян с Византией их социальная верхушка в противовес имперской теории (согласно которой «римляне» обладали «дарованным свыше правом наставлять неразумные народы»⁴⁷), выработала собственную идейную позицию, в которой она ощущала острую потребность, возглавляя воинов в походах против империи, завязывая дипломатические переговоры с ее властями и вступая в контакты с местным балканским населением. Суть этой позиции была в наиболее общих чертах сходна с позицией политических деятелей Запада и заключалась, по-видимому, также в непризнании прав византийцев на обладание римским престижем и римским наследством. Мотивы этой позиции у западных деятелей и у «варваров» существенно различались, но были обусловлены, вероятно, одинаковыми причинами — продолжительным военным противостоянием с Византийской империей.

Останавливаясь на этом предположении и приведя выше в целях аргументации взятые из источников отрицательные и, конечно, далекие от действительности стереотипы, созданные друг о друге враждующими сторонами, мы ни в коей мере не хотели преуменьшить историческую роль Византии и значение блестящей византийской цивилизации, благотворное воздействие которой испытали славянские культуры, как не было также у нас намерений преувеличить уровень общественного и культурного развития славян в рассматривавшийся период. Мы стремились лишь показать, что и «варварам», по всей вероятности, были присущи определенные политические идеи, поскольку «варварство» — это эпоха не полного отсутствия каких бы то ни было феноменов культуры, а непосредственно предшествовавшая образованию государства стадия общественного развития, которой не избежали далекие предки всех европейских (и не только европейских) народов.

⁴⁷ ГИБИ, т. II. с. 226 (Менандр).